

редактора, который якобы изменял последнюю часть хроники в духе ортодоксии.

Следует также отметить, что, в отличие от историков VI в., Малала очень мало интересуется философскими и вообще теоретическими вопросами. Так, он совершенно равнодушно говорит о закрытии Юстинианом Афинской философской школы⁷⁹. Все это свидетельствует о значительной ограниченности кругозора Малалы по сравнению с Прокопием, Агафием, Теофилактом Симокаттой, которые в своих трудах отводили большое место философским проблемам. Это равнодушие к философским вопросам говорит и о значительно меньшей образованности Малалы.

Для выяснения социально-политической направленности исторического сочинения Иоанна Малалы первостепенную роль играет исследование отношения нашего хрониста к острой классовой борьбе своего времени.

Читателя «Хронографии» буквально поражает необычайно большое внимание, которое уделяет автор описанию народных восстаний, происходивших в правление Юстиниана. При этом обычно симпатии хрониста на стороне византийского правительства.

При всей своей политической лояльности Иоанн Малала в описании народных восстаний, пожалуй, все же более объективен, чем чиновник и аристократ Прокопий. Известный демократизм всего труда Малалы оставил и здесь свой след. Находившийся в гуще событий, происходящих на рынках и площадях Антиохии и Константинополя, автор насытил свой рассказ о народных волнениях такими жизненными подробностями, которые ускользали от вращавшегося в придворных кругах Прокопия. Поэтому повествование Малалы о таких народных движениях, как восстание Ника и волнения самаритян, богаче красками и полнокровнее, чем сообщения других современных ему авторов.

Это, конечно, не означает, что все в рассказе Малалы заслуживает полного доверия и что его повествование лишено ошибок и недостатков. Общие слабости, присущие всей хронике Малалы, проявились, естественно, и в сообщениях о народных восстаниях. Так, Малала отказывается от попыток какого-то реального объяснения причин народных восстаний и дает им чисто провиденциалистское толкование, приписывая их «козням дьявола». Он пишет о восстании Ника: «В то же время в десятый индикт злые демоны создали предлог для мятежа в Византии»⁸⁰. Тот же «дьявол внушил», по мнению Малалы, прасинам и венецам «дурную мысль объединиться»⁸¹.

Вместе с тем именно Малала сообщает наиболее конкретные данные о социальном характере восстания Ника и об участии в нем народных масс. Народ в его рассказе выдвинут на первый план, он — главное действующее лицо событий, в отличие от рассказа Прокопия, который много места в своем повествовании о восстании Ника отводит деятельности сенаторов и событиям во дворце. Так, народ не только присутствует при событиях, послуживших поводом к восстанию, — при казни семи прасинов и венецов, но и спасает сорвавшихся с виселицы⁸². Затем именно народ играет главную роль в столкновениях на ипподроме и в городе.

Малала пишет о центральных событиях восстания 532 г. в Константинополе следующее: «Когда 13 января на ипподроме проводились игры, обе партии призвали императора быть милостивым. Они кричали до 22 бай, но не удостоились ответа. Когда же дьявол внушил им дурную мысль, они стали кричать друг другу: «Многая лета человеколюбивым прасинам и венецам!» Окончив игры, толпа вышла в дружном единодушии,

⁷⁹ *Malal.*, p. 451: «В консульство того же самого Деуя император послал в Афины указ, приказав, чтобы никто не преподавал философию и не толковал законы».

⁸⁰ *Ibid.*, p. 473.

⁸¹ *Ibid.*, p. 474.

⁸² *Ibid.*, p. 478.